

Годъ изданія девятый.

ЯНВАРЬ.

№ 5.

1916.

XII 45
10

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МЕЧТЫ (стих.).
ВЪ ЗВѢРИЦѢ.
МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА. (повѣсть).
ВЪ НЕВОЛѢ (стих.).
БАБОЧКИ. (сказка).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Віоскопъ—для склеиванія.
Игра въ бѣлое и черное.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
МОСКОВСКІЙ РУМЯНЦОВСКІЙ
МУЗЕЙ

Заступился.

М Е Ч Т Ы.

Минетъ зима, и снѣгъ сойдетъ,
Весна прекрасная настанетъ,
Сначала верба зацвѣтетъ,
А тамъ и лугъ зеленымъ станетъ.

И этотъ снѣгъ, и эта тьма,
И эта сѣрая погода
Уйдутъ далеко, и зима
Умретъ до будущаго года.

Къ намъ съ юга птицы прилетятъ,
Скворцы займутъ свои скворешни,
И понесется ароматъ
Отъ яблонь, вишенъ и черешни.

И такъ потянетъ вдругъ туда,
Гдѣ пахарь выѣхалъ ужъ въ поле,
Гдѣ бродятъ мирныя стада
И гдѣ такъ радостно на волѣ!

Туда, гдѣ рѣчка такъ журчитъ,
Гдѣ такъ свѣжо въ аллеяхъ парка,
И гдѣ порой свирѣль звучитъ,
И съ неба звѣзды свѣтятъ ярко.

Кузничикъ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

4. Разказъ Мартышки.

— Ну, теперь будетъ разказывать мартышка! объявилъ на весь звѣринецъ слонъ.

— Почему-же не я? спросилъ кенгуру.— Вѣдь теперь—моя очередь!

— Попугай и мартышка земляки! Развѣ ты не слышалъ, что говорилъ сейчасъ попугай? Вѣдь мартышка среди звѣрей то-же, что попугай среди птицъ! И живутъ они вмѣстѣ, на однихъ и тѣхъ-же деревьяхъ! Такъ ужъ пусть послѣ попугая разказываетъ мартышка!

Старенькая, больная мартышка подошла къ прутьямъ своей клѣтки и оглядѣлась грустными глазами въ темнотѣ. Всѣ звѣри притихли.

— Прежде всего — позвольте представиться, начала мартышка.— Я—Кри-Кри, мнѣ двѣнадцать лѣтъ, я еще молода по годамъ, но страданія уже состарили меня

и, вѣроятно, я никогда уже не вернусь на родину и скоро умру. Имя Кри-Кри далъ мнѣ мой первый хозяинъ, котораго я очень любила и котораго неожиданно лишилась. У себя на родинѣ я считалась очень красивой: какъ вы знаете, на спинкѣ у меня шерсть сѣровато-зеленая, на рукахъ, ногахъ и хвостѣ— пепельнаго цвѣта. У меня длинный, цѣпкій хвостъ, небольшіе бакенбарды, носъ, губы и брови черные и грудь бѣловатая. Что касается моихъ нравственныхъ качествъ, то я всегда была очень милымъ созданіемъ; я—очень веселаго нрава, любила проказить, дѣлать гримасы, передразнивать и надоѣдать. Но это я дѣлала всегда отъ чистаго сердца, вовсе не желая причинить кому-нибудь непріятность.

Я очень любила своего хозяина, его жену и двухъ его дѣтей. Чтобы доставить имъ удовольствіе, я готова была выскочить на улицу изъ окна третьяго этажа и выпить цѣлую бутылку чернилъ. Они думали, что чернила для меня вредны, но они очень ошибались: я нѣсколько разъ выпивала у хозяина чернила прямо изъ чернильницы и мнѣ это нисколько не вредило; они кисленькія.

Я слышала не разъ, какъ хозяинъ говорилъ обо мнѣ, что я очень умна. И дѣйствительно, я могу этому повѣрить, такъ какъ

всѣ тѣ штуки, которымъ онъ меня училъ, я исполняла превосходно. Я умѣю кататься верхомъ на собакѣ, прыгать черезъ обручъ и дѣлать всевозможныя гримасы. Я отлично продѣлываю на трапеціи всевозможныя штуки и однажды даже, желая потѣшить своихъ хозяевъ, уцѣпилась хвостомъ за висячую лампу въ столовой и повисла внизъ головою надъ обѣденнымъ столомъ. Къ сожалѣнію, лампа не выдержала, сорвалась съ крючка, и я упала головою прямо въ миску съ киселемъ и вся вымазалась. И хотя меня больно наказали за эту мою проделку, но хозяинъ несомнѣнно остался очень доволенъ этимъ моимъ фокусомъ, такъ какъ потомъ долго рассказывалъ о немъ со смѣхомъ всѣмъ своимъ знакомымъ.

Но каковы-бы ни были мои достоинства, у меня есть и недостатки. Главный изъ нихъ—это то, что я большая лакомка. Я могу ѣсть когда угодно, что угодно и сколько угодно. За щеками у меня есть два мѣшка, и я складываю въ нихъ все, что могу найти. И стоитъ только мнѣ захотѣть поѣсть, какъ я вытаскиваю языкомъ изъ мѣшка спрятанный въ немъ орѣхъ или кусочекъ хлѣба и съѣдаю. Это-то всегдашнее желаніе покушать и лишило меня свободы.

Но вотъ послушайте мою исто-

рію. Я—родомъ изъ Африки, изъ тѣхъ-же самыхъ мѣстъ, изъ которыхъ и попугай. Я отлично понимаю тотъ яркій солнечный день, когда я находилась въ густомъ тѣнистомъ лѣсу, въ которомъ росли бананы, финики, вѣрныя пальмы и сочные апельсины. Вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе перелѣзть съ дерева на дерево, прислушиваться къ крикамъ удивительныхъ птицъ, которыя блистаютъ на солнцѣ своими яркими перьями, какъ драгоценныя камни! Ліаны гирляндами вьются вокругъ стволовъ деревьевъ и спускаются внизъ съ ихъ вершинъ, покрывая ихъ множествомъ разноцвѣтныхъ цвѣтовъ.

Но тогда я не особенно обращала вниманіе на всю эту красоту; тогда у меня была своя забота: не попасться на зубы леопарду или шакаламъ! Моя милая мать все время была около меня, стерегла меня и старалась покормить чѣмъ-нибудь повкуснѣе. Все время она тосковала по моему покойному отцѣ, который погибъ, попавъ въ желудокъ къ тигру, и потому старалась ни на одну минуту не отпускать меня одну безъ себя на землю.

Она очень хорошо знала мою слабость хорошо поѣсть и потому часто мнѣ говорила:—

— Берегись, твое обжорство не доведетъ тебя до добра!

Но я ея не слушала и старалась отдѣлаться отъ нея шутками.

Наша жизнь въ лѣсу протекала очень счастливо и шумно. Мы жили въ большомъ ладу съ попугаями и не нуждались ни въ чемъ. Иногда мы грабили сосѣднія плантаціи, но дѣлали это только изъ озорства, такъ какъ и на деревьяхъ у насъ, стоило только протянуть руку,—и сочный плодъ былъ всегда къ нашимъ услугамъ.

Есть на свѣтѣ много породъ обезьянъ, но мы, маргышки,—самыя подвижныя, самыя веселыя и самыя милыя изъ всѣхъ обезьянъ. Мы живемъ большими обществами. Жизнь у насъ въ такихъ обществахъ бьетъ ключемъ: мы ссоримся, деремся, кричимъ и миримся, лазаемъ по деревьямъ, бросаемся плодами и сухими вѣтками, играемъ, висимъ внизъ головой на хвостахъ и дѣлаемъ гримасы, не признаемъ надъ собой никакой власти и слушаемся развѣ только того изъ насъ, кто больнѣе всѣхъ дерется и бьетъ насъ по щекамъ. Мы никогда не заботимся о жилищѣ, о пищѣ и питьѣ, такъ какъ въ родномъ лѣсу всегда къ нашимъ услугамъ готовъ и столъ и домъ, стоитъ только взобраться повыше на деревья.

Насытившись, мы садимся на вѣтвяхъ и грѣмся на солнышкѣ.

Въ это время наши матери кормятъ грудью своихъ младенцевъ точно такъ-же, какъ это дѣлаетъ и

человѣкъ, а болѣе взрослые мартышки ищутъ другъ у дружки въ головѣ.

Какъ я уже упоминала, на насъ находятъ иногда минуты озорства, и тогда мы отправляемся на грабежъ. При этомъ мы проявляемъ какое-то особенное, чисто хулиганское нахальство. Подъ предводительствомъ самаго стараго изъ насъ мы всѣмъ стадомъ отправляемся къ какому-нибудь засѣянному полю.

При этомъ наши матери несутъ своихъ ребятъ у живота, а младенцы крѣпко держатся своими хвостиками за ихъ хвосты. Сперва мы приближаемся къ полю тихонько, съ большими предосторожностями. Если все обстоитъ благополучно, то нашъ вожакъ дѣлаетъ намъ гортанные звуки, похожіе на кашель, и мы подбираемся къ самому полю. Дойдя до него, мы сразу же бросаемся на него, отламываемъ со стеблей початки кукурузы, вычищаемъ изъ нихъ зерна и стараемся быстро наполнять ими защечные мѣшки. Когда въ мѣшкахъ мѣста уже больше не хватаетъ, то мы начинаемъ играть: мы продолжаемъ отламывать отъ стеблей початки кукурузы и бросаемся ими другъ въ друга. При этомъ никто изъ насъ не боится ничего, такъ какъ за нашей безопасностью смотритъ нашъ вожакъ: онъ то и дѣло поднимается на заднія ноги, оглядывается вокругъ

и продолжаетъ кашлять, если опасности не представляется. Если же выбѣжитъ вдругъ человѣкъ съ ружьемъ, то вожакъ издаетъ дребезжащій звукъ, и всѣ мы опрореметью бросаемся обратно въ лѣсъ. Но при этомъ мы не испытываемъ ни малѣйшаго страха; напротивъ, намъ бываетъ очень весело заниматься этимъ грабежомъ, мы дурачимся на пути, дѣлаемъ гримасы и кривляемся на разные лады.

Мы не боимся никакихъ хищныхъ звѣрей, хотя часто и дѣлаемъ ихъ добычей. Хищныя птицы также не пугаютъ насъ. Отъ звѣрей мы всегда спасаемся на вершины деревьевъ, куда они ни въ какомъ случаѣ взобраться не могутъ, а птицъ мы прогоняемъ палками и вѣтвями. Если же кто-нибудь изъ насъ и попадаетъ иногда въ зубы леопарда или шакала, то это только потому, что по легкомыслию или по обжорству засидится долго на землѣ. Такъ и мой папаша попался въ лапы къ дикому звѣрю потому, что любилъ покушать. Но кого мы боимся, такъ это змѣй. Передъ ними мы дрожимъ всѣмъ тѣломъ, подъ ихъ взглядами мы застываемъ на мѣстѣ и отдаемся въ полную ихъ власть. Онѣ кушаютъ насъ и въ особенности нашихъ малышей, десятками.

Иногда мы хвораемъ. Чаше всего у насъ болитъ животъ и бываютъ раны, которыя мы наносимъ другъ другу въ дракѣ. Боль

живота наши матери излѣчиваютъ намъ тѣмъ, что прижимаютъ насъ къ своему животу и это служитъ намъ какъ-бы грѣлкой, которую употребляетъ въ такихъ случаяхъ для себя и человѣкъ, а къ ранамъ мы прикладываемъ себѣ жеванную траву, похожую на табакъ. У каждой матери бываетъ только по одному младенцу.

Въ темныя ночи мы крѣпко спимъ на вершинахъ деревьевъ, цѣпко ухватившись за ихъ вѣтви своими хвостами. Когда-же свѣтитъ луна, то мы всю ночь проводимъ въ играхъ, проказничаемъ, или-же дѣлаемъ набѣги на сосѣднія кукурузныя поля.

— Да ты рассказывай намъ свою личную исторію, прервалъ мартышку слонъ,—а не про всѣхъ обезьянъ вообще. Расскажи намъ про свою судьбу!

— Сейчасъ, сейчасъ! отозвалась мартышка и закашлялась.— Къ этому-то я и подхожу. Дай только откашляюсь немного. Въ горлѣ пересохло!

Она, какъ человѣкъ, схватилась ладонями за грудь и долго ее мучилъ кашель. Затѣмъ, успокоившись, она продолжала:—

— Однажды вечеромъ, рѣзвясь при свѣтѣ луны на мягкой зелени лѣса, я увидѣла у подошвы одной банановой пальмы какой-то странный предметъ, какого еще нигде въ жизни не видала. Это была громадная бутылка съ очень узень-

кимъ горлышкомъ. Я не безъ колебанія подошла къ этой удивительной вещи, которая меня въ одно и то-же время и привлекала къ себѣ, и пугала.

Оглядѣвшись по сторонамъ, я заглянула въ горлышко этой бутылки и увидѣла въ ней—ахъ, зачѣмъ только я заглянула въ нее! я увидѣла тамъ то, что навѣки лишило меня свободы: превосходныя, крупныя, желтыя зерна самой спѣлой кукурузы! Правда, я ихъ ѣла уже не разъ, хотя и не часто, во время тѣхъ рискованныхъ прогулокъ, которыя мы всѣмъ стадомъ совершали въ сосѣднія поля. Но тогда за мною присматривала мать, и я никакъ не могла забыть, что была еще маленькой. Теперь-же я была уже большая, бояться было некого, къ тому-же и зерна въ бутылкѣ были такія крупныя, какихъ я не ѣла еще никогда.

И я просунула въ горлышко бутылки свою правую руку и схватила въ ней полную горсть зеренъ.

Когда-же я хотѣла вытянуть руку обратно, то это оказалось невозможнымъ. Я стала упираться, трясти бутылъ другою рукою, но все оказалось напраснымъ; рука моя уже больше не вынималась изъ бутылки. Это стало меня беспокоить. Тогда я почесала лѣвой рукою у себя въ головѣ и сказала:—

— „Не надо сердиться... Нужно подумать хорошенько, какъ посту-

пить. Вѣдь рука вошла въ бутылъ свободно; почему-же она такъ-же свободно не выходитъ изъ нея? Нужно упереться въ бутылъ задними ногами и постараться вытянуть руку изъ всѣхъ силъ...

Я уперлась въ бутылъ задними ногами и потянула руку.—Но результатъ оказался тотъ-же самый. Оставалось потащить за собою и бутылъ, но она была такъ тяжела, что все равно я не могла-бы ее поднять. Сердце у меня болѣзненно сжалось. Конечно, можно было-бы свободно вытянуть руку изъ бутылки, если-бы я разжала горсть и высыпала изъ нея зерна обратно. Но развѣ я могла это сдѣлать? Развѣ я могла разстаться съ такими крупными, вкусными зернами?

Тогда я вспомнила о матери и стала кричать. Бѣдная мать! Заслышавъ мои крики, она тотчасъ-же прибѣжала ко мнѣ, и я рассказала ей, въ чемъ дѣло; она шлепнула, меня ладонью по затылку и сказала:—

— Брось сейчасъ-же зерна! Можетъ быть, рука и освободится!

— Но, мама, отвѣчала я ей,— вѣдь это кукуруза! Да еще спѣлая!

— Лучше потерять зерна, чѣмъ свободу, продолжала мать.—Брось сейчасъ-же!

— Но вѣдь если я брошу ихъ, то все равно ихъ скушаетъ кто-нибудь другой!

— Тѣмъ лучше!

— Но вѣдь это моя находка!

Она должна принадлежить мнѣ!

— Это невозможно!

— Мама, я попытаюсь еще разъ вытащить руку, не разжимая горсти!

— Это бесполезно; повѣрь мнѣ и брось эту несчастную привычку вѣчно ѣсть! Быть можетъ, мы всѣ завтра-же соберемся на кукурузную плантанцію, и я сама соберу тамъ для тебя самыхъ спѣлыхъ зеренъ!

— Но вѣдь эти уже собраны... Къ тому-же я очень боюсь людей...

— Послушайся меня, моя милая мартышечка, разожми свою ладонь!

Но я не хотѣла разстаться со своимъ сокровищемъ и не слушала мать. Я бѣшено стала потрясать посудой и тащить изъ нея руку, надѣясь, что горлышко расширится, и я вытащу сквозь него полную горсть. Мать все еще продолжала уговаривать меня, но я разсердилась на бутылъ, стала плакать и рѣшила не разжимать горсти, чтобы ни случилось.

— Ты упряма, какъ твой покойный отецъ! закричала на меня мать.—Онъ тоже погибъ, благодаря своему обжорству!

Какъ вдругъ въ кустахъ послышался шумъ, какіе-то два чело-вѣка вышли изъ нихъ и направились прямо къ намъ.

Со слезами на глазахъ мать стала умолять меня разжать ладонь и бросить зерна. Но я рѣшила ни за что на свѣтѣ не разставаться

... Острые когти уже были занесены надъ его головой. (Къ разсказу «Въ звѣринцѣ»).

Спокойной ночи!

съ зернами и еще крѣпче стиснула пальцы и стала изъ всѣхъ силъ потрясать бутылью.

— Пафъ! Пафъ! вдругъ раздались два выстрѣла и, схватившись обѣими руками за раненую грудь, моя бѣдная мать повалилась къ моимъ ногамъ.

Я сразу какъ-то одурѣла. Я не понимала ровно ничего, что вокругъ меня происходило, но крѣпко держала свою добычу и не разжимала ладони.

Одинъ изъ людей подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за шиворотъ.

— Славная обезьянка!.. сказалъ онъ.—Я отнесу ее къ нашему командиру.

— Превосходно, отвѣтилъ другой.—Но посмотри, однако, она вовсе не хочетъ разстаться съ зернами. Ахъ, ты, лакомка! обратился онъ ко мнѣ.—Да развѣ ты не знаешь, что это будетъ стоить тебѣ свободы! Вотъ не ожидалъ, что такъ легко и глупо ловятся обезьяны!

И оба они стали смѣяться.

Затѣмъ одинъ изъ нихъ разбилъ въ бутылки горлышко и освободилъ мою руку. Увидѣвъ въ своей горсти спѣлыя кукурузныя сѣмена, я стала ихъ быстро ѣсть. Люди подождали, когда я всѣ ихъ съѣла, и взяли меня на руки. Тогда я поняла, въ чемъ дѣло, и стала жалобно стонать. Но они не сжалились надо мной и унесли меня

изъ родного лѣса къ себѣ на пароходъ и подарили меня своему командиру.

Командиръ привезъ меня въ Суэць и здѣсь подарилъ меня моему первому хозяину, капитану русскаго судна, шедшаго изъ Владивостока въ Одессу. Этотъ господинъ далъ мнѣ имя Кри-Кри и повезъ меня въ Европу. И вотъ я въ Россіи, часто не вижу вовсе солнца и вспоминаю о своей матери и о родномъ лѣсѣ. Я часто тоскую. Милая мать, зачѣмъ я не послушалась тебя и не разжала тогда кулакъ?

— Но какъ-же ты попала въ этотъ звѣринецъ? спросилъ у рассказчицы слонъ.

— Моего хозяина назначили командиромъ миноносца на Дальній Востокъ, отвѣтила мартышка,—и онъ уѣхалъ туда вмѣстѣ съ семьей уже по желѣзной дорогѣ. Я оказалась лишней и меня съ собой не взяли.

— Что-же было съ тобой потомъ?

— Меня продали въ зоологическій магазинъ, но тамъ я захворала и меня перепродали оттуда шарманщику. Шарманщику вскорѣ нечего было ѣсть самому, и онъ даромъ отдалъ меня въ этотъ звѣринецъ, чтобы только я перестала каплять. Ахъ, какіе ужасные для меня были дни, когда я принуждена была съ утра и до вечера переходить съ шарманщикомъ изъ двора во дворъ и переносить же-

стокій морозъ или упорный, холодный, пронизывавшій до костей дождь!.. Какъ я просила себѣ тогда у Бога смерти!

— И ты уже долго живешь въ этомъ звѣринцѣ? спросилъ слонъ. — Я помню, что когда я пришелъ сюда, то ты здѣсь уже была.

— Да, это правда... Я живу здѣсь уже пятый годъ. Въ первый же годъ пребыванія моего здѣсь еще случилась эта извѣстная исторія..

— Какая исторія? разомъ спросили все звѣри.

— Да такъ, пустяки... скромно отвѣтила обезьяна. — Я тогда спасла мальчика отъ смерти..

— Расскажи, расскажи намъ, какъ это было! послышались со всехъ сторонъ голоса.

Мартышка скромно опустила глаза и подперла подбородокъ кулачкомъ.

— Въ первый-же мѣсяцъ, какъ я поселилась здѣсь, продолжала она, — къ намъ чуть не каждый день сталъ ходить одинъ очень прилично-одѣтый мальчикъ. Это было въ одномъ изъ большихъ южныхъ городо въ, въ которомъ гостилъ тогда нашъ звѣринецъ. Всякій разъ онъ останавливался около меня, вытаскивалъ изъ кармана луковицу или морковку и протягивалъ ко мнѣ. Вы вѣдь знаете, какъ мы, мартышки, любимъ лукъ и морковку. Я схватывала ихъ и жадно съѣдала. Эта моя жадность ему нравилась, и онъ очень смѣял-

ся. Такъ ужъ и установилось между нами, что всякій разъ, какъ онъ, бывало, придетъ, я ужъ и бѣгу къ нему навстрѣчу и залѣзаю къ нему въ карманъ. Тогда я находилась здѣсь еще на свободѣ. Короче сказать — я очень привязалась къ этому мальчику, и онъ ко мнѣ тоже, потому что я слышала, какъ онъ упрашивалъ нашего хозяина продать ему меня, но хозяинъ отказался. У насъ были тогда два дрессированныхъ слона, которые каждый вечеръ выходили на средину звѣринца и показывали представленія. Вся публика окружала ихъ кольцомъ и съ удивленіемъ на нихъ смотрѣла, такъ что около клѣтокъ становилось совершенно свободно. Покармливъ меня и поигравъ со мной, мой мальчикъ хотѣлъ протиснуться сквозь толпу къ слонамъ, но это ему не удалось. Тогда онъ, въ ожиданіи окончанія представленія, отошелъ къ сторонкѣ и, ставъ почти у самой клѣтки громаднаго страшнаго тигра, повернулся къ ней задомъ, поднялся на цыпочки и сталъ черезъ головы всехъ глядѣть на слоновъ. Отступая шагъ за шагомъ назадъ, чтобы было лучше видно, онъ совсѣмъ почти вплотную приблизился спиной къ самой клѣткѣ тигра. Сердце у меня сжалось отъ ужаса. Тогда тигръ просунулъ сквозь прутья своей рѣшотки свою страшную лапу и выпустилъ когти. Еще одинъ моментъ

—и онъ впустилъ-бы ихъ въ тѣло мальчика или сорвалъ-бы ими съ него черепъ, но я собралась съ силами и закричала мальчику по своему:—„Спасайся! Скорѣй! Скорѣй!“ Но мальчикъ меня не понималъ. А острые когти уже были занесены надъ его головой и готовы были содрать съ нея тѣло. Нельзя было медлить ни одной секунды. Тогда, чтобы спасти своего любимца, я, маленькая, ничтожная мартышка, прыгнула со своего мѣста къ клѣткѣ лютаго звѣря и схватила его за лапу. Мальчикъ былъ спасенъ...

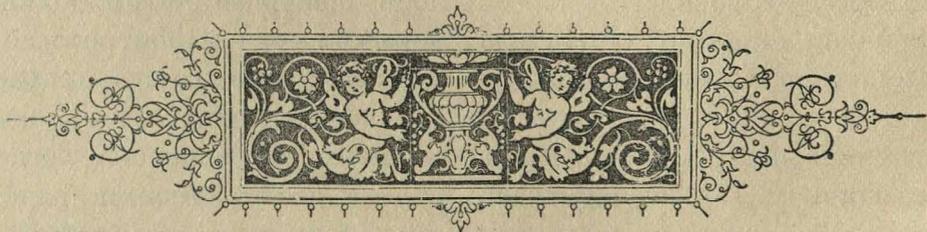
— Ну, и что-же было потомъ? спросилъ слонъ.

— Потомъ... скромно отвѣтила

мартышка, — потомъ я больше двухъ мѣсяцевъ пролежала больная. Тигръ всю меня истерзалъ. у него еле отбили меня,—и я думала, что уже не переживу. Но Богъ сжалился надо мной и спасъ меня. Съ тѣхъ поръ я и сижу уже въ клѣткѣ, а не бѣгаю на свободѣ, потому что стала хромать и не могу уже взбираться высоко по веревкѣ на карнизъ и дразнить оттуда зрителей... Теперь я уже стала и больна и неспособна больше ни на что...

Обезьянка замолкла и съ окончаніемъ ея разказа весь звѣринецъ тоже притихъ и погрузился въ глубокую темноту.

С. Вершининъ.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА.

ПОВѢСТЬ.

Я не помню въ своемъ раннемъ дѣтствѣ, никакого друго дома, въ которомъ-бы мы жили, кромѣ того, который находился на окраинѣ Петрограда, въ Лѣсномъ. Это былъ маленькій, невзрачный домишко, окруженный въ то время огородами и березовыми рощицами, въ которыхъ находились дачи. У

насъ было всегда чистенько и уютно, я любила этотъ домикъ и мнѣ всегда казалось, что я въ немъ и родилась. По крайней мѣрѣ, я лучшаго не желала, всегда была весела и цѣлые дни зимою и лѣтомъ проводила на воздухѣ.

Мой папа занималъ самую маленькую комнатку съ каминомъ и,

сколько я помню, всегда сидѣлъ за столомъ и что-нибудь писалъ. Всякій разъ, какъ я подбѣгала къ нему, онъ ласково улыбался и старался сказать мнѣ что-нибудь приятное. Я чувствовала, что онъ очень меня любилъ. Онъ былъ писателемъ, правда, очень неизвѣстнымъ, и работалъ въ тогдашнихъ газетахъ и журналахъ. Каждый вечеръ онъ приходилъ къ моей мамѣ въ комнату и прочитывалъ ей свои писанія. Она или хвалила ихъ, или же указывала въ нихъ недостатки и онъ послушно откладывалъ ихъ въ сторону, чтобы затѣмъ поправить. Когда я была еще совсѣмъ маленькой, то меня укладывали спать раньше, чѣмъ начиналось это чтеніе, и я долго еще прислушивалась къ нему черезъ открытую дверь. Когда же я подросла немного, то мнѣ позволялось приходиться по вечерамъ къ мамѣ въ комнату и слушать то, что читалъ ей папа. Конечно, я многого не понимала, но мнѣ очень пріятно было просиживать съ большими, когда на дворѣ было уже темно и въ каминѣ весело трещали полѣнья. Я любила такіе вечера. На дворѣ была зима, завывалъ вѣтеръ, шумѣли вокругъ нашего домика голыя березы—и такъ было уютно сидѣть у огня и слушать то, что читалъ папа! Когда смѣялась мама, то смѣялась и я, когда же нахмурилась она, то дѣлалась

серьезной и я. Папа часто замѣчалъ это и подымалъ меня на смѣхъ.

— Ну, милочка, обращался онъ ко мнѣ, когда я уже уставала слушать и начинала клевать носомъ,—пора уже спать! Уже десятый часъ. Пора!

Я послушно поднималась со своей скамеечки у камина, прощалась съ папой и мамой, уходила къ себѣ, сама раздѣвалась и укладывалась спать. Няни у меня не было.

Сколько помню, мама въ ту пору была молода и красива, имѣла стройную фигуру, хорошій цвѣтъ лица и темные волосы. Какимъ-то особеннымъ благородствомъ вѣяло отъ всей ея фигуры, чѣмъ-то такимъ, чего не было во всѣхъ другихъ женщинахъ, съ которыми я тогда встрѣчалась. Но вскорѣ затѣмъ, хотя я была еще ребенкомъ и плохо тогда это замѣчала, моя мама какъ-то странно стала блѣднѣть и худѣть, волосы у нея стали выпадать, она перестала быть подвижной и веселой и гуляла со мной уже не такъ охотно и при этомъ едва передвигала ноги, и часто присаживалась отдохнуть. Мы уже не гуляли такъ далеко, какъ раньше, и не проводили столько времени за собираніемъ перелѣсокъ и незабудокъ. Съ каждымъ днемъ мама становилась все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, почти совсѣмъ перестала выходить на

прогулки. Сталъ у насъ появляться докторъ, чего раньше никогда не было, и всякій разъ, какъ онъ приходилъ, меня высылали изъ комнаты. Папа тоже сталъ какъ-то угрюмѣе, сталъ часто вздыхать, и я видѣла, не разъ, какъ тайкомъ отъ всѣхъ насъ онъ плакалъ.

У насъ была всего только одна прислуга—кухарка, которая вѣчно была занята у себя въ кухнѣ у плиты и подолгу ходила въ лавку,—и я, восьми-лѣтняя дѣвочка, должна была замѣнить собою мать: я мела комнаты, убирала посуду, вытирала пыль и исполняла множество мелкихъ работъ, которыя раньше лежали на мамѣ. И когда въ такія минуты входилъ папа, то онъ переглядывался съ мамой и, указавъ на меня, всякій разъ говорилъ ей по-англійски:

— Какое счастье, что у насъ не отняли и ее!

Тогда я еще не знала по-англійски, но отлично запомнила, какъ попугай, эту фразу и перевела ее уже впоследствии. Смыслъ ея долго оставался для меня загадочнымъ.

А время все шло и шло, мама угасала съ каждымъ днемъ, папа становился все печальнѣе и трудился надъ своимъ писаньемъ уже и день и ночь. Ясно было, что онъ спѣшилъ и старался заработать какъ можно больше денегъ.

— Боже мой, отчего я такой бездарный! часто восклицалъ онъ,

вскакивая изъ-за стола, и хватался за голову.

— Ты не бездарный, успокаивала его мама,—а тебѣ просто не повезло въ жизни, вотъ и все! Ты слишкомъ честенъ. Посмотри, какъ нажились тѣ люди, которыя продали свою совѣсть и честь! Нужно писать только о честномъ и благородномъ, а о дурномъ ты не сталъ бы писать никогда!

Папа цѣловалъ маму въ голову и снова садился за письменный столъ.

Было что-то таинственное въ нашей семьѣ, что папа и мама отъ меня усиленно скрывали. Но по отдѣльнымъ обрывкамъ изъ ихъ фразъ, будучи развитой не по лѣтамъ, я догадывалась, кое о чемъ и составила себѣ впечатлѣніе, которое тоже отъ нихъ въ свою очередь скрывала. Эта моя догадка заключалась въ слѣдующемъ: у моей мамы была бабушка—очень знатная дама, которая въ свое время была фрейлиной и была принята при царскомъ дворѣ; кромѣ того, былъ какой-то еще мальчикъ Вячеславъ, о которомъ папа и мама любили вспоминать. Кто былъ этотъ Вячеславъ—я не знала. Портретъ бабушки находился у насъ въ альбомѣ на первой страницѣ. Она была на немъ снята въ роскошномъ костюмѣ, была сравнительно еще не стара и красива. Но мама говорила мнѣ не разъ, что этому портрету уже

тогда, въ годы моего дѣтства, было больше 25-ти лѣтъ. И бабушка, и Вячеславъ имѣли къ нашей семьѣ какое-то отношеніе, довольно странное, которое отъ меня скрывали и котораго я никакъ понять не могла.

Какъ-бы то ни было эти отношенія заставляли маму страдать—я въ этомъ догадалась, и часто съ недоброжелательствомъ раскрывала альбомъ и смотрѣла на портретъ моей прабабушки. Но какъ я ни старалась взглянуть въ ея красивое, гордое лицо,—я такъ и не могла дать себѣ отчета, въ чемъ именно заключалось то, что заставляло маму страдать.

Такъ шло время до тѣхъ поръ, пока мнѣ не исполнилось одиннадцать лѣтъ. Теперь ужъ я была преданной подругой своей матери. Я проводила съ ней все время, мы разговаривали за шитьемъ, и мама держала себя такъ, точно я была взрослая. Я часто читала ей вслухъ и иногда писала за нее отвѣты на тѣ письма, которыя она получала.

— Знаешь, обратилась она однажды къ папѣ, показывая ему написанное мною письмо,—она, вѣроятно, будетъ у насъ писательницей. Прочти, какъ складно она написала! Вся въ тебя.

Папа прочиталъ и, довольный, поцѣловалъ меня въ щеку. Я сконфузилась и опустила глазки.

Однажды вечеромъ, въ жаркое лѣто, мама лежала на кушеткѣ, съ

которой она рѣдко уже вставала. Папа читалъ ей свои произведенія, а я хлопотала по хозяйству. Былъ чудесный Юнь. Надъ Петроградомъ стояло обычное облако дыма, а у насъ, въ Лѣсномъ, воздухъ былъ чистъ и ясенъ и повсюду разливался смолистый ароматъ отъ свѣженькихъ березокъ. Кое-гдѣ въ низинкахъ стоялъ туманъ, но я не боялась его, хотя и говорили, что у насъ, въ Лѣсномъ, было сыро. Убирая посуду послѣ чая, я вдругъ замѣтила, что папа какъ-то сразу оборвалъ свое чтеніе на полусловѣ. Я вбѣжала въ комнату. Мама, вся блѣдная, лежала на диванѣ съ закрытыми глазами, какъ мертвецъ. Папа стоялъ передъ ней на одной колѣнкѣ и лицо его было полно ужаса.

— Что такое? воскликнула я въ испугѣ.

— Тсс!.. отвѣтилъ онъ. — Ей дурно...

Онъ поднесъ ей къ носу флакончикъ съ солями, чтобы она понюхала, но она не шевельнулась.

— Лиза! обратился папа ко мнѣ.—Бѣги скорѣе за докторомъ! Скажи ему, что съ мамой дурно, да пошли Прасковью сюда!

Я тотчасъ-же повиновалась. Забѣжавъ по дорогѣ къ кухаркѣ и пославъ ее къ мамѣ, я со всѣхъ ногъ пустилась къ доктору. Къ счастью, онъ жилъ недалеко отъ насъ и былъ старый знакомый папы. Я застала его въ садикѣ, за

Заглядѣлась.

... Такъ было уютно сидѣть у огня и слушать то, что читалъ папа!
(Къ повѣсти «Маленькая Лиза»).

столомъ. Онъ сидѣлъ безъ куртки, въ одной жилеткѣ и пилъ пиво. Было очень жарко.

— А! Лиза! воскликнулъ онъ, увидѣвъ меня.—Милости просимъ!

— Мама больна! крикнула я ему, задыхаясь отъ быстрого бѣга.

Онъ тотчасъ-же сдѣлался серьезнымъ, допилъ до дна стаканъ пива и утеръ рукавомъ вспотѣвшій лобъ.

— Я сейчасъ пойду вмѣстѣ съ тобой, сказалъ онъ и, придвинувъ ко мнѣ блюдо съ громадной земляникой, добавилъ:—На, ѣшь! Я сейчасъ! Только одѣнись.

Отъ волненія я не могла ѣсть, хотя ягоды были великолѣпны. Тутъ же лежала оберточная бумага. Я оторвала отъ нея кусокъ, отсыпала въ нее ягоды и завернула.

„Это мамѣ“... подумала я.— „Пусть она полакомится“.

Вышелъ изъ дома докторъ въ куртку и въ соломенной шляпѣ, и мы пошли. Онъ шелъ быстро и всю дорогу около него я бѣжала такъ, что задыхалась.

— Чего ты такъ сопишь? спросилъ онъ.—У тебя насморкъ?

Намъ отворила Прасковья.

— Ну, что? Какъ у васъ дѣла? спросилъ у нея докторъ.

— Ничего, отвѣтила кухарка.— Барынь лучше. Она уже очнулась.

Докторъ отправился прямо къ больной.

— Можно пойти и мнѣ? спросила я у него.

— Нѣтъ, дѣточка, отвѣтилъ онъ.—Побѣгай здѣсь лучше по саду. Ты можешь помѣшпаться!

Я отправилась въ садикъ, сѣла на лавочку и задумалась. Мнѣ такъ было грустно и такъ тяжело было у меня на душѣ! Что, если мама не поправится уже больше никогда? Эта мысль приводила меня въ ужасъ, и я готова была расплакаться. Затѣмъ вышелъ ко мнѣ папа. На немъ не было лица.

— Зачѣмъ ты ушелъ отъ мамы? обратилась я къ нему.

— Я чувствую, что мама не хочетъ при мнѣ быть откровенной съ докторомъ, отвѣтилъ онъ.—Она боится за меня и что-то отъ меня скрываетъ. Поэтому я и ушелъ.

И помолчавъ немного, онъ продолжалъ:—

— Докторъ говоритъ, что ей надо лучше питаться... Я и самъ знаю это. А гдѣ я возьму денегъ, чтобы предоставить ей все? Ахъ, бѣда, бѣда!..

Мнѣ стало жаль его.

— Мама не разъ говорила мнѣ, сказала я, — что ей лучше всего помогъ-бы теплый климатъ и что ей надо было-бы поѣхать въ Крымъ...

— Она тебѣ это говорила сама? спросилъ серьезно папа.

— Да, отвѣтила я.

— Въ такомъ случаѣ она, значитъ, больна серьезно!

— Почему? Почему ты такъ полагаешь?

— Я ужъ знаю, почему. Значить, изъ жалости и изъ любви ко мнѣ она все это отъ меня скрывала. А я, какъ на грѣхъ, не догадывался самъ...

Онъ закрылъ ладонями лицо и заплакалъ. Мы сѣли затѣмъ на лавочку рядкомъ, обнялись и долго молчали. Потомъ къ намъ вышелъ докторъ.

— Ну, что? вскочилъ папа, заидѣвъ его.

— Все тоже, отвѣтилъ серьезно докторъ.—Общая слабость... Надо ее лучше кормить... За послѣднее время она много потеряла въ вѣсѣ... Ей необходимо...

— Поѣхать въ Крымъ? перебилъ его папа.—Да? Въ теплые края?

Докторъ въ удивленіи посмотрѣлъ на него.

— Да, отвѣтилъ онъ.—Ей давно уже надо ѣхать въ Крымъ.

— Почему-же вы, докторъ, не сказали мнѣ этого раньше?

Докторъ вздохнулъ и положилъ ему руку на плечо.

— Для поѣздки въ Крымъ нужны деньги, сказалъ онъ,—а у васъ ихъ нѣтъ. Эхъ, дружище, развѣ же я не вижу, какъ вы много работаете и какъ мало за это получаете!

И, простившись съ папой, онъ быстро вышелъ изъ сада.

Я и папа переглянулись. Глаза папы засвѣтились вдругъ рѣшимостью.

— Я спасу ее! воскликнулъ

онъ.—Я напругу всѣ свои силы, изогнусь въ три дуги, а сдѣлаю такъ, чтоо на будетъ здорова!

И крупными шагами онъ отправился въ домъ. Я послѣдовала за нимъ.

Мама сидѣла уже у стола и, точно ни въ чемъ не бѣвало, улыбалась. Она была очень блѣдна и старалась дѣлать видъ, что чувствовала себя очень хорошо. Я развернула передъ ней ягоды.

— Кушай, мамочка! сказала я.

— Земляника! весело воскликнула она.—Моя любимая ягода! Гдѣ ты это взяла?

И, точно маленькій ребенокъ, она набросилась вдругъ на землянику и стала ее ѣсть.

Я и папа стояли въ сторонкѣ и смотрѣли на нее такъ, какъ взрослые смотрятъ на дѣтей.

Мнѣ хотѣлось броситься къ ней, обнять ее и цѣловать, цѣловать ее безъ конца.

Затѣмъ мы уложили маму рано спать, и я еще долго просидѣла съ папой вдвоемъ. Была сѣверная бѣлая ночь, было свѣтло, какъ днемъ, и мы вовсе не зажигали огня. Папа ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и разговаривалъ самъ съ собою вслухъ.

— Къ кому-бы мнѣ ее отправить? говорилъ онъ.—Кому-бы мнѣ о ней написать?

И вдругъ, вспомнивъ о комъ-то, онъ хлопнулъ себя по лбу и, довольный, пересталъ уже ходить и

опять усѣлся за свой письменный столикъ.

— Я напишу ему! сказалъ онъ. — Мы съ нимъ не видались уже нѣсколько лѣтъ, но, вѣроятно, онъ меня еще не забылъ. Хотя и неловко, но я все-таки ему напишу.

— Кому это, папа? спросила я.

— У меня былъ когда-то знакомый, у котораго была своя дачка въ Крыму, отвѣтилъ папа. — Это нѣкто Литвиновъ. Я напишу ему и быть можетъ изъ этого что-нибудь выйдетъ.

И онъ тотчасъ взялся за перо и сталъ писать.

Весь слѣдующій день мама пролежала и не выходила ни къ кофе, ни къ обѣду. Она не жаловалась ни на что, но была очень слаба, и встала только къ вечеру. Всякій разъ какъ къ ней подходили я или папа, она ласково улыбалась и старалась сдѣлать видъ, что лежитъ просто отъ лѣни, а не по болѣзни. Но мы ей не довѣряли... Я ухаживала за ней и старалась, чтобы все у насъ въ домѣ было въ порядкѣ. Черезъ день мама уже встала, приходилъ опять докторъ и приказалъ ей почаще гулять и побольше сидѣть на солнцѣ. Я воспользовалась этимъ приказаніемъ и стала вытаскивать маму на прогулки насильно. Но она все еще была такъ слаба, что, придя въ паркъ, часто садилась на лавочку или на срубленное дерево и просиживала на солнцѣ по цѣ-

лымъ часамъ. Я бѣгала около нея по лужку, набирала цвѣтовъ и приносила ихъ къ мамѣ. Она подносила ихъ къ лицу и жадно припадала къ нимъ устами.

— Фиалки... одуванчики... шептала она. — Ахъ какъ я люблю солнце и цвѣты!

И она не могла на нихъ надышаться.

Недѣли черезъ двѣ, когда мы вернулись однажды съ одной изъ такихъ прогулокъ, насъ встрѣтилъ папа съ веселымъ лицомъ.

— Пожалуйте, всемірныя путешественницы! обратился онъ къ намъ. — Раздѣвайтесь, снимайте шляпы и садитесь. Я имѣю вамъ что-то сообщить.

— Пріятное? спросила я.

— И даже очень, отвѣтилъ онъ.

Мы быстро раздѣлись и усѣлись обѣ на диванъ.

Папа вынулъ изъ конверта письмо.

— Вотъ что пишетъ мнѣ мой старый знакомый Литвиновъ, торжественно сказалъ онъ. — Повѣсьте уши ваши на гвоздь вниманія и приготовьтесь слушать!

И онъ прочелъ намъ слѣдующее письмо:

„Многоуважаемый Сергѣй Ивановичъ. Очень радъ, что послѣ такого долгаго перерыва въ нашемъ знакомствѣ, вы вспомнили обо мнѣ и обратились съ запросомъ относительно Крыма именно ко мнѣ. Очень радъ предло-

жить вамъ свои услуги и представить въ ваше распоряженіе одинъ изъ флигельковъ въ моемъ крымскомъ имѣніи около Ялты. Теперь въ немъ никто не живетъ, онъ стоитъ пустой, вы найдете въ немъ все необходимое—и если вы поселитесь въ немъ, то этимъ только доставите мнѣ большое

Папа кончилъ чтеніе письма и съ торжествомъ посмотрѣлъ на меня и на маму. Мама заплакала.

— Какое счастье! тихо сказала она.— Я увѣрена, что я тамъ поправлюсь!

— Ну, конечно! весело воскликнулъ папа.

Но я замѣтила, что и у него

... Придя въ паркъ, она часто садилась на лавочку или на срубленное дерево.

удовольствіе. О днѣ вашего выѣзда или выѣзда супруги, пожалуйста, телеграфируйте моему управляющему, и онъ все приготовитъ къ приѣзду. Очень жалѣю, что дѣла задержать меня на все время въ Москвѣ и что я васъ не увижу.

„Жму вашу руку. Уважающій васъ Литвиновъ.“

на глазахъ тоже были слезы. Глядя на нихъ, стала плакать и я.

— Ну, распустили сырость! пошутилъ папа.— И такъ Петербургъ выстроенъ на болотѣ!

Я засмѣялась и вдругъ захлопала въ ладоши.

— Значитъ, мы дѣйствительно поѣдемъ въ Крымъ? спросила я.— Всѣ?

— Нѣтъ, не всѣ, отвѣтилъ папа.— Поѣдете ты и мама, а я останусь здѣсь одинъ.

По лицу у мамы пробѣжала тучка.

— Почему-же не поѣдешь съ нами и ты? спросила она его.

— А кто-же будетъ писать? возразилъ онъ.— Кто вмѣсто меня будетъ зарабатывать на хлѣбъ?

Мама согласилась съ этимъ, вздохнула и опустила глаза.

А затѣмъ начались сборы въ дорогу. Съ утра и до вечера я была занята по горло, суетилась, считала и укладывала бѣлье, дѣлала опись оставленной посуды, отбирала тѣ вещи, которыя были-бы необходимы для папы въ наше отсутствіе, и ставила и клала ихъ въ отдѣльный шкафчикъ, а папа пересталъ за это время писать и все ходилъ между чемодановъ и подтрунивалъ надо мною. Я замѣчала по выраженію его лица и по тону голоса, что ему было грустно и что онъ только старался казаться веселымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ему чуть не все лѣто, а можетъ быть и осень предстояло оставаться здѣсь одному безъ насъ и скучать. Бѣдный папа!

Затѣмъ, въ дождливое утро, мы выѣхали изъ нашего домика на вокзалъ. На мамѣ не было лица, папа старался балагурить, а я, по малолѣтству, радовалась перемѣнѣ и сама была не своя отъ того, что совершу такое длинное путешествіе.

— Это хорошо, что сегодня идетъ дождь, сказалъ папа, усаживая насъ на извозчика.— Это хороший признакъ! По мнѣнію нашихъ предковъ, всякое хорошее дѣло нужно было совершать въ дурную погоду! Трогай, извозчикъ!

Мы поѣхали, а папа долженъ былъ добраться до вокзала на верхушкѣ ходившей тогда по Петрограду конки.

Но вотъ ужъ и вокзалъ. Къ нашему удивленію, папа встрѣтилъ насъ у входа. Тогда еще не было сплошныхъ безпересадочныхъ поѣздовъ до Севастополя, и мы должны были ѣхать въ почтовомъ поѣздѣ и пересаживаться въ Москвѣ. При этомъ мы ѣхали въ третьемъ классѣ. Но меня увлекало все. Я не обращала вниманія на предстоявшія въ пути неудобства, мнѣ нравилось и въ третьемъ классѣ и, если-бы не разставаніе съ папой, то все казалось-бы мнѣ волшебной сказкой.

Но вотъ ужъ и второй звонокъ. Папа снимаетъ шляпу и начинается прощаніе. Мама старается казаться бодрой, папа тоже, но я вижу, что оба обманываютъ другъ друга и вотъ-вотъ готовы разрыдаться. Затѣмъ папа обнимаетъ и цѣлуетъ меня, выходитъ изъ вагона и появляется въ его окнѣ.

— Вотъ если-бы къ бабушкѣ! восклицаетъ онъ.— Какъ-бы это было удобно и хорошо!

Мама сразу-же дѣлаетъ строгое лицо и киваетъ ему, чтобы онъ

не распространялся далѣе. Я вижу исподтишка, какъ она тайкомъ киваетъ ему на меня. Онъ спохватывается и закрываетъ ротъ рукою. Это его движеніе не ускользываетъ отъ меня.

Что же это за бабушка, о которой папа и мама такъ все отъ меня скрываютъ!

Раздается третій звонокъ, поездъ тяжело трогается, и папа еще долго бѣжитъ рядомъ съ вагономъ и киваетъ намъ головой.

Затѣмъ вокзалъ и Петроградъ съ папой остаются позади. Мама уже не въ силахъ больше сдерживать себя, падаетъ на лавку и начинаетъ рыдать. Наплакавшись, она успокаивается, привлекаетъ меня къ себѣ и начинаетъ ласкать.

— Мамочка, обращаюсь я къ ней.— Почему мы не ѣдемъ къ бабушкѣ? Вѣдь вотъ папа сказалъ сейчасъ, что это было-бы удобно и хорошо!

Мама сразу-же дѣлается серьезной и старается не продолжать далѣе объ этомъ разговорѣ.

— Послѣ узнаешь! отвѣчаетъ она.— Когда вырастешь большая, то все поймешь! А теперь не будемъ объ этомъ говорить.

Я отхожу къ окну, смотрю на поля и лѣса и еще долго думаю о бабушкѣ, папѣ и мамѣ и о таинственномъ Вячеславѣ, о которомъ у насъ въ семьѣ не принято было говорить.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ НЕВОЛѢ.

Въ неволѣ обезьянка умирала,
Быль кашель у нея такой, какъ
лай,
И къ ней, къ больной, подѣ одѣяло,
Залѣзъ зеленый попугай.

Была зима и холодно имъ было,
Никакъ они согрѣться не могли,
По родинѣ далекой сердце ныло
И солнышка хотѣлось хотъ вдали.

И видѣлись имъ пальмы, ананасы,
Бананы гордые... Глядѣли изъ
травы
Цвѣточки дивные, растеній были
массы
И проходили мимо львы.

И солнце ласково свѣтило надъ
природой,
Все было зелено и радостно кругомъ,
Дышало все обильемъ и свободой
И сводъ небесъ дышалъ тепломъ.

А здѣсь... Приходится ѣсть мясо...
Зімы рано
Несутъ снѣга... Такъ хочется домой!
И въ ужасѣ больная обезьяна
Лохмотьями укрылась съ головой.

А къ утру обезьяна околѣла,
Изодохъ за ней и грустный попугай;
Кухарка дворнику ихъ выбросить
велѣла
И не сказалъ никто „Прощай“.

Ирисъ.

Армія принца Георгина уже находилась передъ стѣнами...

БАБОЧКИ.

(СКАЗКА).

Миша возвратился съ елки съ подарками: дядя подарилъ ему Елочнаго дѣда, всего въ блестяхъ, напоминавшихъ снѣгъ, а тетя коллекцію бабочекъ. Всѣ онѣ находились въ ящикѣ подъ стекломъ и были приколоты ко дну его на булавахъ, которыя пронизывали ихъ насквозь. Миша не любилъ мертвыхъ животныхъ и остался недоволенъ подаркомъ. Бабочки были рѣдкія, дорогія; коллекція, повидимому, стоила очень дорого, но онъ предпочелъ-бы ей какою-нибудь простенькую игрушку или даже живыхъ бабочекъ, которыя порхали-бы вокругъ него въ саду и были-бы на свободѣ.

„Ну, на что мнѣ онѣ?“ подумалъ онъ.

Онъ пришелъ домой, положилъ бабочекъ на подоконникъ, а Елоч-

наго дѣда поставилъ около своей кровати на столикъ, раздѣлся и улегся спать.

Впечатлѣнія дня, елка, танцы и игры пронеслись передъ его глазами и стали смѣшиваться въ одну общую большую картину. Онъ сталъ засыпать. И вдругъ около него раздался чей-то голосъ:—

— Хочешь, я расскажу тебѣ исторію этихъ бабочекъ?

Миша вздрогнулъ и посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда доносился этотъ голосъ. Это говорилъ Елочный дѣдъ. Онъ помахивалъ своей зелененькой, похожей на крашеное перо, елкой, улыбался розовымъ лицомъ и кивалъ Мишѣ головой.

— Я могу тебѣ кое-что рассказать, продолжалъ дѣдъ.— Пересиль въ себѣ сонъ и послушай меня!

— Хорошо, расскажи! отвѣтилъ

ему Миша, и снова положилъ голову на подушку и, закрывъ глаза, приготовился слушать.

— Ну, такъ слушай-же меня, началъ Елочный дѣдъ. Жила-была на свѣтѣ одна добрая принцесса по имени Чайная Роза. Она была прекрасна и жила со своей небольшой свитой во дворцѣ, сдѣланномъ изъ всевозможныхъ цвѣтовъ, отъ которыхъ во всѣ стороны распространялся великолѣпный ароматъ, привлекавшій къ себѣ насѣкомыхъ и птицъ. Изъ всѣхъ многочисленныхъ даровъ, которыми наградили ее при рожденіи феи, самымъ выдающимся была сердечная доброта, тотъ самый чистый цвѣтокъ души, который даже безобразныхъ людей дѣлаетъ красивыми.

„Принцесса Чайная Роза не выносила, когда мучили какое-нибудь живое существо. Благодаря этому, ея освѣщенные яркимъ солнцемъ, благоухавшіе и отливавшіе синевой, пурпуромъ, золотомъ и аметистомъ сады служили любимымъ мѣстопробываніемъ для всевозможнаго рода бабочекъ.

„Пажами у Чайной розы были шесть малютокъ въ возрастѣ отъ пяти до шести лѣтъ. Она назвала ихъ по имени цвѣтовъ: Нарциссъ, Одуванчикъ, Ландышъ, Левкой, Подснежникъ и Тюльпанъ. Было очень пріятно смотрѣть, когда они, всѣ шестеро, одѣтые въ атласные костюмчики, въ шелковые чулки

и въ изящную обувь, съ завитыми свѣтлыми и темными кудрями, съ розовыми щечками и съ вздернутыми носиками, тѣснились вокругъ своей принцессы и несли попеременно ея длинный шлейфъ. Ландышъ, самый маленькій и нѣжный изъ всѣхъ, идя въ свитѣ, опрокидывалъ внизъ чашечки и выливалъ изъ нихъ духи. Если Чайной Розѣ приходилось случайно увидѣть, что кто-нибудь изъ ея пажей надолго задержалъ около себя бабочку или мушку,—а бабочекъ было такъ много и онѣ были такъ красивы и такъ доверчиво садились на цвѣты и на самое принцессу, — то она сердилась. Приказавъ выпустить плѣнницу на свободу, она дѣлала пажу замѣчаніе.

Скоро они стали женихомъ и невѣстой.

— „Принцесса, бормоталъ въ свое оправданіе виноватый, опуская глазки,—мнѣ хотѣлось разглядѣть бабочку поближе и потрогать ея прекрасныя крылышки— и я привлекъ ее къ себѣ своими красотой и ароматомъ. Вѣдь я всегда отпускаю насѣкомыхъ на свободу!

— „Ты отпускаешь бабочку на свободу, возражала Чайная Роза,— а развѣ ты возвратишь ей легкій пушокъ, покрывающій ея крылышки, который она осыпаетъ, ударяясь о твой костюмъ? Взгляни, крылышки уже потеряли свою яркость и бабочка уже не такъ легка, какъ прежде, и летаетъ почти у самой земли! Будьте-же съ бабочками нѣжны и добры и не мучьте ихъ изъ любопытства и не терзайте только изъ-за того, что вамъ хочется ихъ поближе разсмотрѣть.

„На глазахъ у Чайной Розы появлялись слезинки, какъ утренняя роса, и маленькій пажъ, чтобы загладить свою вину, тотчасъ-же просилъ извиненія.

„А бабочки были очень чутки и отзывчивы. Однажды, когда у принцессы былъ большой приемъ, бабочки слетѣлись къ ней со всѣхъ сторонъ и образовали вокругъ ея головы прелестную корону, а вокругъ ея шей-чудное ожерелье. Онѣ расположились на плечахъ принцессы, образовавъ изъ себя гирлянды на складкахъ ея платья, и

сидѣли неподвижно до самаго конца торжественнаго приема. Это вызвало шепотъ всеобщаго удивленія и восторга.

„Одинъ изъ сосѣдей принцессы Чайной Розы, красивый принцъ Георгинъ, почувствовалъ къ ней такое расположеніе, что рѣшилъ на ней жениться. Принцъ былъ молодъ, интересенъ, но на лбу его виднѣлись складки, изобличавшія недобрый характеръ, а въ глазахъ свѣтилась жестокость. Но на этотъ разъ онъ сумѣлъ смягчить свои недостатки, чтобы понравиться принцессѣ.

„И онъ дѣйствительно понравился ей и скоро они стали женихомъ и невѣстой.

„Рѣшено было отпраздновать свадьбу какъ можно скорѣе.

— „Я хочу, чтобы глаза всѣхъ были ослѣплены отъ блеска и пышности нашей свадьбы сказалъ принцъ Георгинъ.

— „А я желаю, чтобы сердца всѣхъ трепетали отъ радости, отвѣтила принцесса.

„Принцъ нахмурился и отвернулъ голову къ стѣнѣ.

„Однажды утромъ, спускаясь по ступенькамъ своего дворца, Чайная Роза увидѣла принца, ожидавшаго ее въ бесѣдкѣ изъ Розъ. Она улыбнулась и подошла къ нему. Но по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ нему, на ея нѣжномъ лицѣ стало появляться выраженіе ужаса. На бархатной курт-

кѣ принца трепетала крылышками наколотая на золотую булавку бабочка, окрашенная въ красный цвѣтъ съ черными полосами.

— „Какъ вы могли поступить такъ жестоко? вспыхнула принцесса, указавъ на трепетавшую отъ боли бабочку.

— „Это я сдѣлалъ для того, чтобы понравиться вамъ, отвѣтилъ онъ ей съ поклономъ.

— „Какой вы злой! проговорила она и, чувствуя, что силы ослабляютъ ее, принуждена была опереться на своихъ пажей. Ей казалось, что на золотой булавкѣ было приколото ея собственное сердце.

„На губахъ у принца показалась насмѣшливая улыбка.

— „А развѣ бабочки умѣютъ чувствовать? спросилъ онъ ее.

„Принцесса была не въ силахъ оторвать глазъ отъ бабочки. По щекамъ у нея текли слезы.

— „По крайней мѣрѣ, хоть прекратите ея страданія, сказала она.— Убейте ее!

— „Уничтожить такое украшеніе? возразилъ принцъ.— Ни за что на свѣтѣ! Она мнѣ нравится тѣмъ, что еще шевелится, и я не промѣняю ее ни на какой бриллиантъ! Я не промѣняю ее даже на жемчужную слезинку изъ вашихъ глазъ!

„По лицу принца Чайная Роза увидала, что страданія бабочки доставляли ему удовольствіе. Слѣ-

дить за тѣмъ, какъ медленно умирала бабочка, было для него приятно и казалось ему нужнымъ, и то расположеніе, которое Чайная Роза питала къ нему до сихъ поръ, вдругъ сразу исчезло,— и она почувствовала, что глубоко оскорблена.

— „Принцъ, сказала она,— возьмите ваше обручальное кольцо назадъ. Я не могу быть вашей женой. Вы очень жестоки. Будьте любезны сейчасъ-же уѣхать изъ моего дворца!

„Принцъ Георгинъ вдругъ густо покраснѣлъ.

— „Вы отказываете мнѣ изъ-за какого-то глупаго насѣкомаго! воскликнулъ онъ и гордо поднялъ

— Какъ вы могли поступить такъ жестоко?

голову.— Вы не подумали о томъ, что сказали...

„Но Чайная Роза сняла уже съ пальца кольцо, которое готово было уже навѣки связать ее съ принцемъ, и бросила къ его ногамъ. Не сказавъ болѣе ни слова, она удалилась въ сопровожденіи своихъ пажей къ себѣ во дворецъ.

— „Я этого такъ не оставлю, съ негодованіемъ крикнулъ ей вслѣдъ принцъ Георгинъ.— Я буду мстить!

„И въ самомъ дѣлѣ, вернувшись въ свое государство, онъ немедленно сталъ собирать войско и скоро двинулся съ нимъ въ походъ противъ Чайной Розы, надѣясь побѣдить ее, взять въ плѣнъ и разрушить ея дворецъ.

„Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ армія принца Георгина уже стояла передъ стѣнами, за которыми заперлась принцесса вмѣстѣ со своими защитниками. Сраженіе было дано, но увы!—всегда побѣждаетъ грубая сила,—и прекрасный дворецъ, въ которомъ всегда царствовали одни лишь доброта и состраданіе, и гдѣ цвѣты пользовались бѣльшимъ почетомъ, чѣмъ желѣзное оружіе, былъ все-таки взятъ непріателемъ и разрушенъ. Одинъ за другимъ падали отъ смертельныхъ ударовъ вѣрные слуги и защитники принцессы. Крики ярости нападавшихъ и вопли осажденныхъ перемѣшались между собою. Кровь текла

ручьями и наконецъ, неистовая орда съ страшнымъ воплемъ ворвалась въ пробитое въ стѣнѣ отверстіе и наполнила собою замокъ принцессы.

„Чайная Роза до самаго конца поддерживала своимъ присутствіемъ умиравшихъ за нее своихъ подданныхъ. Но ничто не помогло. Теперь принцъ ей отомститъ. Но какъ избѣжать его мести? Можетъ быть, еще можно убѣжать—черезъ сады? Уже смеркается и, можетъ быть, ей еще удастся убѣжать въ темнотѣ? Но шумъ уже близокъ. Среди зарева пожара она уже различаетъ красные мундиры солдатъ принца Георгина и ихъ надменно-равнодушныя лица. Принцъ предводительствуетъ ими самъ и идетъ впереди, размахивая окровавленной шпагой. Принцессой овладѣваетъ ужасъ и, испустивъ слабый крикъ отчаянія и поручивъ себя покровительству добрыхъ фей, она падаетъ безъ чувствъ въ огромный кустъ розъ.

„Но тутъ совершается чудо. Ея тѣло становится вдругъ легкимъ, какъ лучъ луны. Цѣлое облако ночныхъ бабочекъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ она по вечерамъ оберегала, чтобы онѣ не обожгли своихъ крыльевъ на огнѣ, слетается къ ней, поднимаетъ ее и уноситъ съ собою. Въ то время, какъ принцъ съ бѣшенными криками ищетъ ее повсюду, бабочки уже несутъ ее въ пространствѣ между планетъ

и подлетаютъ съ нею къ ближайшимъ звѣздамъ.

„Очнувшись и открывъ глаза, Чайная Роза видитъ себя окруженной яркимъ свѣтомъ и чувствуетъ вдругъ радость. Вокругъ нея цѣлая толпа маленькихъ созданий, одѣтыхъ въ бѣлые, голубые и нѣжно-розовые костюмы.

— „Гдѣ я? спрашиваетъ принцесса.

— „Въ царствѣ бабочекъ, слышатся со всѣхъ сторонъ нѣжные, какъ серебряные колокольчики, голоса.— Сейчасъ мы проведемъ тебя, дорогая принцесса, къ нашему королю.

„Маленькія, прелестныя созданія окружаютъ толпою Чайную Розу и въ одинъ мигъ она уже видитъ себя у подножія трона изъ розъ, на которомъ сидитъ красивый молодой человѣкъ въ голубомъ, небеснаго цвѣта, костюмѣ, усыпанномъ драгоценными камнями. У него за спиною крылья, нѣжныя, какъ мечта.

„Онъ улыбается ей доброй, ласковой улыбкой и манитъ ее къ себѣ.

— „Я приказалъ моимъ скромнымъ подданнымъ, обращается онъ къ принцессѣ, — ночнымъ бабочкамъ—поднять и перенести тебя сюда, чтобы избавить тебя отъ враговъ. Ты заслужила того, чтобы жить вмѣстѣ съ нами. Оглянись: тебя окружаютъ тѣ, кому ты когда-то своей добротой спасла

жизнь, потому что всѣ эти существа не кто иныя, какъ бабочки, когда-то летавшія въ садахъ...

„Чайная Роза оглядывается по сторонамъ и всюду встрѣчаетъ радостные и улыбающіеся глазки, которые глядятъ на нее съ благодарностью. И этотъ маленький мірокъ существъ, одѣтыхъ въ яркія платья, напоминаетъ ей объ ея пажахъ. Она не знаетъ, гдѣ они и что съ ними случилось. Глубокой вздохъ вырывается изъ ея груди.

— „О чемъ ты грустишь? спрашиваетъ ее король.

— „Государь, отвѣчаетъ она, —у меня въ моемъ дворцѣ было шесть прелестныхъ созданий, которыхъ я любила отъ всей души... Я не знаю, гдѣ теперь они и живы-ли они?

— „Мы угадали твое желаніе, отвѣтилъ король,—и спасли также и ихъ.

„И всѣ шесть пажей предстали передъ своей принцессой. Она вскрикнула отъ радости и обняла ихъ. Они тотчасъ-же окружили ее со всѣхъ сторонъ.

— „Они больше уже не покинутъ тебя, сказалъ король.— Только разъ въ годъ они должны будутъ превращаться въ бѣленкихъ бабочекъ и летать надъ землей.

— „А до тѣхъ поръ? спросила принцесса.

— „А до тѣхъ поръ они будутъ

около тебя, пока наконецъ въ одинъ изъ лѣтнихъ дней я не прикажу имъ съестъ въ гробикъ и умереть...

— „Умереть? испугалась принцесса.

— „Да, отвѣтилъ король,—но всего только на нѣсколько дней. —Этотъ гробикъ люди называютъ „куколками“, но бабочки воскресаютъ въ нихъ и вылетаютъ изъ нихъ на воздухъ... Тогда онѣ прилетаютъ къ такимъ-же Чайнымъ Розамъ, какъ и ты, и онѣ поятъ ихъ своею росой и даютъ имъ подъ своими листьями пріютъ.

„Въ это время два служителя въ темныхъ бархатныхъ епанчахъ съ изображеніемъ мертвой головы на спинахъ приблизились къ трону. Это были бабочки—Сфинксы. Они что-то шепнули на ухо своему королю. Лицо его омрачилось печалью.

— „Дѣлайте ваше дѣло, мои вѣрные Сфинксы, отвѣтилъ онъ имъ такъ-же тихо и глубоко вздохнулъ.

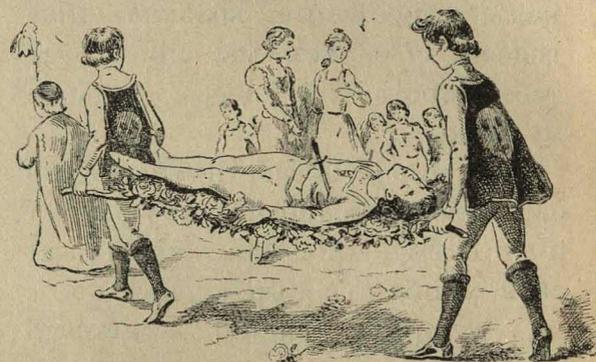
„Вслѣдъ затѣмъ на носилкахъ изъ розовыхъ вѣтвей пронесли мимо тѣло прекраснаго юноши съ черными волосами и въ одеждѣ изъ пурпуроваго бархата. Въ груди у него все еще торчала та самая булавка, которою онъ былъ приколотъ къ платью принца Георгина.

— „О, милая Чайная Роза, вздохнулъ король,—это тотъ, котораго

не могло спасти твое заступничество!..

„Похороны были грустны, но великолѣпны. Убитаго погребли въ могилкѣ изъ цвѣтовъ и всю ее украсили лепестками розы.

„А на слѣдующій день была отпразднована свадьба короля бабочекъ и Чайной Розы. Свадьба была очень удачна, потому что соединились два существа съ такими нѣжными чувствами, какія

Въ груди у него все еще торчала булавка...

бываютъ только у розъ и насѣкомыхъ...“

Елочный Дѣдъ умолкъ. Миша хотѣлъ-было о чемъ-то его спросить, но сладкій сонъ давно уже разлился по всѣмъ его членамъ и мѣшалъ ему поднять голову и открыть глаза.

А коллекція съ бабочками лежала попрежнему на окошкѣ и казалась маленькимъ кладбищемъ для прекрасныхъ Божьихъ свободныхъ созданій.

А. Б.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Моя первая буква есть въ мылѣ, но ея нѣтъ въ водѣ; моя вторая буква есть въ окнѣ, но ея нѣтъ въ рамѣ; моя третья буква есть въ стаканѣ, но ея нѣтъ въ рюмѣ; моя четвертая буква есть въ кошкѣ, но ея нѣтъ въ мышѣ; моя пятая буква есть въ воронѣ, но ея нѣтъ въ сорокѣ; моя шестая буква есть въ августѣ, но ея вовсе нѣтъ въ июлѣ.

Отгадать всѣ эти буквы и составить изъ нихъ по порядку названіе одной изъ Европейскихъ столицъ.

Какая это столица?

II.

Задуманное слово состоитъ изъ восьми буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Буквы 2, 3, 2, 4, 5, 8, означаютъ нашу самую близкую родственницу, 2, 4, 5, 8, 7, 8—часть свѣта, 1, 2, 8—насъкомое, 2, 1, 2, 7, 8—дерево, 8, 2, 4, 5, 8—цвѣтокъ, 2, 8, 7, 6—зимній экипажъ, 2, 6, 5, 1, 4, 8—одинокого человѣка. Отга-

дать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе вкуснаго рыбнаго блюда.

III.

Всегда и во всемъ я сочувствую людямъ: я радуюсь ихъ радостью и горюю ихъ горемъ. Но это я дѣлаю только тогда, когда меня бьютъ по щекамъ и тянутъ за языкъ. При этомъ я громко пою.

Что я такое?

IV.

Шутка: Когда бьютъ во всѣ барабаны?

V.

Зачѣмъ людямъ нужно именно каждый день пить и ѣсть?

VI.

Старуха жила одиноко и никто у нея не бывалъ. Когда она умирала, то при ней не было никого. Причиною ея смерти было то, что она увидала во снѣ, какъ на войнѣ былъ убитъ ея внукъ.

Что здѣсь самаго невѣроятнаго?

(Предложила О. Тохтарова).

Рѣшеніе ребусовъ № 3 и 4, помѣщенныхъ въ № 3 «Золотого Дѣтства».

Ребусъ № 3. С+корова+мь+п+разъ+дно+ + вать + че + ре + з + три н + е + д + ели + за + +ягутъ + ель + ку + съ + и + грушка + ми = Скоро

вамъ праздновать, черезъ три недѣли зажгутъ елку съ игрушками.

Ребусъ № 4. Три н + очѣ + на + сто + гуся + + дѣла + сова = Три ночи на стогу сидѣла сова.

Ребусъ № 6.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Вѣрные рѣшенія прислали: В. Митропольскій, В. Груздевъ, Ш. и Т. Корниловы, Б. Полякъ, Ш. Лялинъ, Л. Корнилова, Н. Нейцъ, Н. Маттесъ, Т. и Ж. Гасовскія, Л. Мошкинъ, В. Яеновскій, П. Капланъ, Коко Орловъ, Г. и М. Юдины, Р. Арефьева, Г. Подобѣдова, А. Русисъ, Г. Гусевъ, А. Ивановъ, Н. Краморевъ, Л. Але-

ксандрова, Г. Энненбергъ, В. Джонсонъ, Б. Ивановъ, О. Тохтарова, К. Кузнецовъ, Л. Ниренбергъ, И. Рапорть, Ж. Фоменко, И. Хижнякова, К. Клименко, А. и В. Глинскія, К. Бодянская, П. Рудинъ, М. и Г. Тизенгаузенъ, С. Лубенцова, В. Нарцисовъ, В. и М. Бѣляевы, Г. Бражникова, Ш. Орловъ, Н. Рощина.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Домка“.
2. „Найдехышъ и подкидышъ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

Какъ сдѣлать бюскопъ? (приложеніе къ этому номеру). Склеивается стаканчикъ, какъ указано на модели. Къ нему придѣлываются ниточки въ трехъ мѣстахъ, которыя соединяются въ одну общую. За эту ниточку вертятъ пальцами, такъ, чтобы стаканчикъ крутился вокругъ самого себя. Въ стаканчикѣ вырѣзаются продольныя отверстія (2. 2. 2...), черезъ которыя глядятъ на полоски съ картинками, вставленныя въ стаканчикѣ. Будетъ отъ верченія казаться, что дѣвочка прыгаетъ черезъ веревочку, клоунъ пляшетъ на лошаdkѣ, которая бѣжитъ, перебирая ногами, и лань прыгаетъ черезъ препятствіе. Картинка съ ланью состоитъ изъ двухъ полосокъ: ихъ надо склеить вмѣстѣ.

Рисуйте полоски сами; это очень занятно.

Годъ девятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарадки, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
12 ИГРЪ для дѣтей.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

☒ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ☒

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, пріучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено къ выпискѣ въ учебныя бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.